

Проблема объективности этнической принадлежности.

Научный руководитель – Кржевов Владимир Сергеевич

Стругов Михаил Васильевич

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра социальной философии, Москва, Россия

E-mail: soph13east@gmail.com

Проблема определения объективного характера этнической принадлежности, закономерно имеет огромную важность, как непосредственно для этнологического знания, так и для социальных наук в целом. Несмотря на то, что «этнос» имеет множество вариантов определения, наличие столь многочисленных попыток дать дефиницию данному термину открывает пространство возможностей для критики самой реальности существования такой общности с позиции постконструктивизма, в силу многих причин получившего в России плодотворную почву. В. Р. Филиппов прямо отрицает существование реальных этносов и рассматривает лишь «этнос» в качестве существующего только и только в сознании ученых конструкта [1]. В. А. Тишков занимает более мягкую, но в целом схожую позицию, считая «этнос» в основном научным конструктом, обладающим лишь эвристической ценностью [2]. В силу характерной для последнего автора неопределенности изложения оказывается сложным более четко определить его позицию, однако примечательным является требование Тишкова отказаться от «онтологизации понятий» при общей неспособности к определению собственных методологических позиций иначе как некоего «добротного релятивизма». Критика постконструктивизмом реальности существования этносов имеет серьезные причины в силу отсутствия удовлетворительной дефиниции термина «этнос» и неудовлетворительных апелляций к таким якобы объективным признакам данных общностей, как язык, территория, экономика или культура, не говоря уже о социобиологических трактовках разного рода. В свою очередь акцентируемое модернистской парадигмой внимание на самосознании и идентичности как признаках и этноса, и принадлежности индивида к этносу, в отсутствие определения непосредственно самого «этнического» является даже более уязвимым для критики, чем привычные примордиалистские концепции. Как обратил внимание А. Й. Элез [3], обширную систему критической аргументации которого приняли российские постконструктивисты, данное упущение породило порочный круг в виде апелляции к этносу для определения этнического самосознания, рассматривая при этом наличие соответствующего самосознания в качестве основного признака этнической или национальной общности. Безусловно, сам факт того, что российские этнологи-постмодернисты основывают свою критику предмета этнологии на аргументации ортодоксального советского марксиста, является любопытным свидетельством существенных проблем, как в отечественной социальной мысли, так и в характере российской модели федерализма.

В отношении данной проблематики нам хотелось бы обратить внимание на ряд проблем практического характера, которые встают перед исследователем, в силу объективной реальности существования этносов вынужденного использовать термин «этнос». Наиболее предпочтительным будет взять данное Ю. И. Семеновым определение - «этнос, или этническая общность, есть совокупность людей, которые имеют общую культуру, говорят, как правило, на одном языке, обладают общим самоназванием и осознают как свою общность, так и свое отличие от членов других таких же человеческих групп, причем эта общность чаще всего осознается как общность происхождения» [4]. Не менее важно то,

что Семенов прямо утверждает наличие этнического самосознания в качестве основного признака этноса, «если члены той или иной культурно-языковой общности не обладают этническим самосознанием, то эта группа не является этносом». Однако, попытка практически применить данное определение, например, к русскому этносу даже на рубеже XIX-XX веков сталкивается как с отсутствием сознания собственной общности статистическим большинством его предполагаемых членов, так и неочевидностью наличия у таковых даже общей культуры. В отношении более ранних периодов необходимо заметить, что в условиях феодальной формации сама идея сознания общности господствующих классов и крепостного крестьянства была просто невозможна. В условиях сословного общества господствующие и подчиненные классы одного предполагаемого этноса часто имеют чрезвычайно отличные культуры, могут говорить на разных языках, фактически не иметь общего самосознания, при этом сознавать в качестве общности происхождения собственное сословие, например корпорацию русской аристократии. Более того, известен не один прецедент, когда представители господствующих классов пытались обосновать свою принципиальную инаковость в качестве иноэтнической власти завоевателей, будь то «сарматский миф» польского дворянства, «хазарский миф» украинского казачества или идеологические построения французской аристократии эпохи реставрации[5].

В таком случае было бы уместно поставить условие любому определению «этноса» как только социальной общности не основываться на субъективном фундаменте этнической принадлежности, то есть не рассматривать этническое самосознание и идентичность предполагаемых членов этноса в качестве признака этого самого этноса либо действительной саморепрезентации его членов. Иными словами, должен иметь место некий определенный источник этнического бытия, производящий индивидов, независимо от их воли и сознания как представителей некоторого этноса. То есть не самосознание в качестве члена предполагаемого этноса должно быть основанием выделения этнической общности, но необходимо такое основание, которое допускает несоответствие субъективной этнической самоидентификации и объективной этнической принадлежности. В силу первичности участия индивидов в системе общественного производства для их самосознания и сознания собственной общности неизбежным является невозможность соответствия реальных этнических общностей устанавливаемым на субъективных основаниях определениям. В социально-исторических организациях, находящихся на докапиталистической стадии общественно-экономического развития используя субъективный признак самоидентификации практически невозможно найти обладающего массовым самосознанием и сознающего себя в качестве единой общности русского, турецкого, финского или какого-либо иного пересекающего классовые границы «этноса», но русское крестьянство, османскую аристократию или финскую буржуазию. Поскольку этнос не может иметь самостоятельного бытия, поскольку он находится в подчиненном положении к системе общественного производства, представляется в лучшем случае затруднительным адекватное использование термина «этнос» с одним конкретным определением безотносительно существующей в определенный момент конкретной системы общественного производства. С другой стороны вполне возможно антигуманистическое понимание этноса и этнической принадлежности, посредством отказа от апелляции к совокупности обособленных индивидов и через изучение реально существующего предмета, этноса как исторически сложившейся и изменчивой системы социальных структур, посредством которой индивид определенным образом осуществляется в конкретном обществе.

Источники и литература

- 1) Филиппов В. Р. «Советская теория этноса». М. 2010

- 2) Тишков В. А. Забыть о нации // Вопросы философии, 1998, №9
- 3) Элез А. Й. Критика этнологии. М. 2001
- 4) Семенов Ю. И. Философия истории. М. 2003
- 5) Миллер А. И. О русском национализме. Лекции, статьи, диалоги. М. 2013